

УДК 821(47)-192
DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-234-244

«Какие к черту волки?»:
слово Высоцкого в «Охоте на овец»
Бориса Белокурова (Усова)

Юрий В. Доманский
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, domanskii@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается отсылка к песне Владимира Высоцкого «Охота на волков» в тексте Бориса Белокурова (Усова) «Охота на овец». Делается вывод о специфической роли чужого слова в сильных позициях текста – в заглавии, рефрене, финальном стихе, на основании чего характеризуется и мироощущение автора.

Ключевые слова: чужое слово, сильные позиции текста, Владимир Высоцкий, Борис Белокуров (Усов)

Для цитирования: Доманский Ю.В. «Какие к черту волки?»: слово Высоцкого в «Охоте на овец» Бориса Белокурова (Усова) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 234–244. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-234-244

“What the hell are wolves?”
Vysotsky’s word in “Sheep Hunt”
by Boris Belokurov (Usov)

Yuri V. Domanskii
*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
domanskii@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the reference to the song by Vladimir Vysotsky “Hunting for wolves” in the text of Boris Belokurov (Usov) “Hunting for sheep”. The conclusion is made about the specific role of someone else’s word in the strong positions of the text – in the title, refrain, final verse, on the basis of which the author’s attitude is also characterized.

Keywords: someone else’s word, strong positions of the text, Vladimir Vysotsky, Boris Belokurov (Usov)

© Доманский Ю.В., 2022

For citation: Domanskii, Yu.V. (2022), “ ‘What the hell are wolves?’ Vysotsky’s word in ‘Sheep Hunt’ by Boris Belokurov (Usov)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, part 2, pp. 234–244, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-234-244

Песни и стихи Бориса Белокурова (Усова) (1970–2019), лидера музыкальной группы «Соломенные еноты», как и у многих его современников-поэтов, перенасыщены разного рода отсылками к культуре – как к культуре предшествующей, так и к культуре актуальной. Между тем все эти отсылки в текстах Усова весьма специфичны: М. Семеляк в предисловии к вышедшей в 2022 г. книге усовской лирики указал на то, что эта специфика «в самом превосходстве образа над цитатой»¹, тогда как «Поэзию Усова отличает эпическая наглядность. Он подает любые события как свершенные, а образы – как существующие»². С.Ф. Меркушов замечает: «Творчество поэта Бориса Белокурова (Усова) в пределах группы “Соломенные Еноты” представляется нам безграничным полем интертекстуальных связей, где вступают в трансгрессивное взаимодействие разнообразные сегменты культуры как некоего универсального текста» [Меркушов 2022, с. 91]. Действительно, обращение Усова-поэта к чужому слову из тех или иных источников – цитация их, аллюзии к ним, реминисценции из них – все это характеризуется каким-то совершенно необъятным разнообразием, однако весь этот широчайший спектр самых разных источников выстраивается в усовских текстах в столь цельную систему, что, казалось бы, разрозненные источники ее вдруг предстают в виде единого универсального претекста. Впрочем, этот претекст при всей его цельности без всякого труда распадается на сегменты – на отдельные проявления чужого слова, легко вычленимые при обращении к тому или иному тексту Бориса Усова. И среди таких элементов важное место занимает художественное наследие Владимира Высоцкого, «концептуальными наследниками» которого как раз и «являются отдельные представители “московского формейшена”, в частности “Соломенные Еноты” и “Министерство Любви”. Анализ проблемы под этим углом мог бы лечь в основу самостоятельного исследования, ведь и исполнительский свертхтекст, и масса реминисценций к песням, и специфика *modus vivendi*, и принципиальная рефлексия по поводу Высоцкого – все

¹ Семеляк М. Предисловие // Белокуров (Усов) Б. Эльд. М.: Выргород, 2020. С. 3.

² Там же. С. 5.

располагает к тому: «Идет охота на овец. Какие к черту волки?»» [Меркушов 2022, с. 96]. В качестве подтверждения своей мысли исследователь приводит финальный стих текста Бориса Усова «Охота на овец», стих, содержащий очевидную отсылку к песне Высоцкого «Охота на волков». Приведем усовскую «Охоту на овец» полностью:

Встает с ухмылкой заря, кривится, скалит морду
Над богоизбранной страной, где люди верят в черта
Все верят в черта, школяры и шелковые феи
И каждый миг моей игры – последний день Помпеи
А я играю в синий мяч под кольцами Сатурна
Не плачь, my love. И не маньячь – ты выглядишь недурно
Тебе я шапку из kota купил на барахолке
Идет охота на котов. Какие к черту волки?

Здесь ночью точат топоры, а утром роют норы
Спешат на службу три сестры, три развеселых Мойры
«Из вас – хорошие дрова», – воркуют журналисты
Кому милей пузырь бухла, кому милей Кейт Уинслет
«Скорей бы сдох мой друг Фо Мин!» – писал один журнальчик
Не плачь, май лав, Саш Баш был прав – вырос новый мальчик
Вот он с дубинкою своей к нам едет в упаковке
Идет охота на людей. Какие к черту волки?

Веселый Роджер над Кремлем. С ним все идет по плану
Нам станет тягостно вдвоем. Я полюблю Светлану
Она понравится мне тем, что щелкает орешки
И тем, что очень хороша как повод для насмешки
А ты уедешь в дальний край. Тебе дадут мотыгу
И ты по рисовым полям с мотыгой будешь прыгать
И будешь плакать и рыдать слезами комсомолки
Здесь все стреляют в благодать. Какие к черту волки?

Мы точно знаем, я и ты, все зло – (оно) от бардов
И скоро край моей мечты взорвется, как петарда
Лисицей станет твой сосед и ты ей станешь тоже
И вместо вдумчивых бесед все будут строить рожи
Все превратятся в дураков – такие, детка, штуки
Запьет поэт Молодняков и не получит «Букер»...
Весны кофейное зерно погибнет в кофемолке
Какие волки? Мне смешно. Какие к черту волки?

В политкорректности веков берет свое начало
Моя баллада про любовь, что сильно измельчала
Моя баллада про анклав, что сгреб тебя в охапку
И про котяру, что, май лав, пошел тебе на шапку
Моя баллада – высший класс. Друзья ее отскерят
Но я уже упоминал про то, в кого здесь верят
И строки мчатся под венец в серебряной двуколке
Идет охота на овец. Какие к черту волки?³

Наша задача – посмотреть, каким образом встраивается в усовскую «Охоту на овец» слово Высоцкого. В книге Бориса Белокурова (Усова) «Эльд» после текста «Охота на овец» стоит дата: 10.10.2001; к началу века относится и запись песни на данный текст. И текст этот изрядно наполнен различными отсылками к различным внешним источникам, различными проявлениями чужого слова. Например, в стихе «И каждый день моей игры – последний день Помпеи» явная отсылка к картине Карла Брюллова; стих «Тебе я шапку из кота купил на барахолке» отсылает к повести Владимира Войновича «Шапка» и пьесе Владимира Войновича и Григория Горина «Кот домашний средней пушистости»; три сестры неизбежно вызывают в памяти заглавие драмы Чехова; упоминание Кейт Уинслет актуализирует популярный на рубеже веков фильм Джеймса Кэмерона «Титаник» (1997); в стихе «Не плачь, май лав, Саш Баш был прав – и вырос новый мальчик» содержится реминисценция к песне Александра Башлачева «В чистом поле дожди косые», где есть такие строки: «Только вырастет новый мальчик // За меня, гада, воевать»; стих «Веселый Роджер над Кремлем. С ним все идет по плану» цитирует знаменитый рефрен из самой, пожалуй, известной песни Егора Летова – «Все идет по плану»; стих «И будешь плакать и рыдать слезами комсомолки» отсылает к названию одного из коктейлей – «Слеза комсомолки» – из поэмы Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки»; стих «Лисицей станет твой сосед и ты ей станешь тоже» может быть осмыслен как аллюзия к китайским или японским традициям, где лисам свойственно оборотничество; «Все превратятся в дураков» намекает на большую традицию, где есть место и «Кораблю дураков» (и поэме Себастьяна Бранта, и картине Иеронима Босха, и ряду других – более близких нам по времени – произведений с таким названием), и песне «Машины времени» «Битва с дураками»; стих «Весны кофейное зерно погибнет в кофемолке» своеобразно воспроизводит евангельское

³ Здесь и далее текст «Охоты на овец» приводится по изданию: *Белокуров (Усов) Б. Эльд*. М.: Выргород, 2020. С. 107–108.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин 12: 24); и многие другие, зачастую не столь очевидные отсылки. Важно же то, что все они, несмотря на бросающееся в глаза разнообразие источников (а, может, и благодаря ему), объединяются в систему; объединяются через позицию субъекта, которого применительно к творчеству Усова вообще С.Ф. Меркушов охарактеризовал следующим образом: «...юрродство, детскость, искренность, но и странная противоречивость, таящая обратные названным свойства» [Меркушов 2022, с. 97]. В итоге получается система уже упомянутой «эпической наглядности» (Максим Семеляк), система, в которой каждый сегмент, соотносимый с чужим словом, озаглавлен той или иной степенью полемики, а иногда даже и конфронтацией субъекта и того текста-источника, откуда взята та или иная цитата, аллюзия, реминисценция. Нельзя сказать, что это оригинальная особенность усовского художественного мира относительно иных художественных миров, но можно сказать, что это данного мира специфическая черта; а мир этот, по справедливому замечанию И. Белецкого, «цельный масштабный и во многом уникальный» [Белецкий 2022, с. 159]; а в плане характеристики – это «мир, где умирают или сидят в клетках звери, мир отчуждения и одиночества, злости и безразличия» [Белецкий 2022, с. 162], что в полной мере соответствует и усовской «Охоте на овец»; реализуется же эта характеристика в данном тексте во многом в системе формул, многие из которых состоят из чужих слов, и формулы эти зачастую противостоят друг другу, показывая тем самым специфику авторского мироощущения, в котором различные элементы могут находиться в конфронтации друг с другом, т. е. мироощущения разорванного, сегментарного, но при этом цельного.

Здесь отметим, что мир «Охоты на овец» строго и стройно организован на строфическом уровне. Печатный текст в книге поделен на пять восьмистиший. И хотя наличие внутренних рифм в цезурах многих стихов относительно цезур в соседних стихах может позволить строфически поделить текст и иначе, все же предложенная в книге строфическая организация в смысловом плане не просто важна, но предельно релевантна смысловой составляющей, ведь при таком делении текста на строфы финал каждого восьмистишия отмечен рефреном – каждый последний полустих в каждой из пяти строф полностью тождественен относительно остальных финальных полустихов: «Какие к черту волки?» А в строфах первой, второй и пятой этот рефрен благодаря ближайшему контексту – первым полустихам последних стихов в этих строфах – прямо отсылает к песне Владимира Высоцкого «Охота на волков» (1968),

а конкретно – к начальному стиху припева этой песни: «Идет охота на волков»; у Усова же финальные стихи первой, второй и пятой строф таковы: «Идет охота на котов. Какие к черту волки?», «Идет охота на людей. Какие к черту волки?», «Идет охота на овец. Какие к черту волки?»⁴. В строфах же третьей и четвертой последние стихи выглядят так: в третьей «Здесь все стреляют в благодать. Какие к черту волки?», в четвертой «Какие волки? Мне смешно. Какие к черту волки?». Но учитывая предыдущие и последующий этим строфам финалы восьмистиший, здесь тоже, конечно же, очевидна отсылка к первому стиху припева «Охоты на волков» Высоцкого.

Об этой песне весьма точно пишет В.В. Шадурский: «Волк смог избежать гибели, нарушив традицию поведения, его спасение – во имя жажды жизни, а не соблюдения правила. Во многом такое поведение – это выбор романтического героя, бунтаря. Однако обычно бунтари гибнут, а в тексте данной песни нарушитель порядка, преодолевший нормы, правила, оказывается на свободе, спасенным. Это метафора спасения героя-одиночки, героя-художника, который вынужден спастись, но остаться в полном одиночестве» [Шадурский 2014, с. 73]. Обо всей же «волчьей» диалогии Высоцкого (вторая часть, названная «Конец охоты на волков, или Охота на волков с вертолета», была написана в 1977–1978 гг.) Шадурский пишет: «...это стихи о трагическом одиночестве загнанного человека» [Шадурский 2014, с. 76].

У Усова же смысл отсылки к Высоцкому существенно трансформирован относительно текста-источника – песни «Охота на волков»; в усовском тексте получается прямо полемичная относительно песни Высоцкого фраза: «Какие к черту волки?». И фраза эта у Усова, учитывая нахождение ее в сильной позиции, становится ударной формулой⁵; и каждый раз она, эта ударная формула, под-

⁴ Обратим здесь внимание на то, что «животные – одни из главных действующих лиц в текстах Усова. Наверное, он создал самый внушительный бестиарий во всем русскоязычном песенном творчестве... Функции всего этого зверья довольно стандартны: оно чаще всего противостоит негодному миру зла, предательства и подлости или просто пассивно страдает от него» [Белецкий 2022, с. 170]; «Усов децентрализует положение человека в системе мироздания – человек – резонно всего лишь один из видов (и может быть, стоящий ступенью ниже животного)» [Меркушов 2022, с. 95]. Заметим, что все, отмеченное исследователями в данном ракурсе, без труда проецируется и на животных в «Охоте на овец», где вся животная образность отсылает к тем или иным культурным претекстам.

⁵ Об ударных формулах в рок-поэзии как определяющей эту поэзию черте см.: [Доманский 2022].

водит итог системе «эпической наглядности», системе, созданной в каждом из пяти восьмистиший; таким образом, ударная формула «Какие к черту волки?» в конце каждой строфы резюмирует все предшествующие ей системы формул.

Однако самый главный итог, итог итогов – это финальный стих всего текста: «Идет охота на овец. Какие к черту волки?». Здесь впервые за все строфы воспроизводится название – «Охота на овец». Заглавная формула усовского текста прямо отсылает к заглавию одного из самых известных романов Харуки Мураками (роман «Охота на овец» написан в 1982 г., переведен на русский язык в 1998 г.); и заманчиво было бы посмотреть на то, какие смыслы этого романа оказываются представлены в тексте Усова. Между тем поиск таких смыслов вероятнее всего окажется тупиковым. Дело в том, что перед нами явление, довольно-таки распространенное в современной культуре, где заглавия известных литературных произведений прошлого (да и настоящего тоже) зачастую теряют связь с теми текстами, которые они изначально номинируют, и становятся при этом самостоятельными формулами со своими смыслами, оказываясь в культуре на правах автономных текстуальных манифестаций. И так получается, что именно в эти активно цитируемые названия и вкладываются какие-то далекие от текста-источника смыслы, входящие в культуру. В результате известные заглавия отрываются от своих первичных текстов, теряют связь с ними, но становятся самостоятельными и самооценными текстами-источниками для грядущих текстов-реципиентов. Как представляется, в случае с «Охотой на овец» Мураками относительно «Охоты на овец» Усова ситуация именно такая: речь не идет о подключении смыслов текста-источника (романа японского писателя) к тексту-реципиенту (стихотворению русского поэта); в лучшем случае можно говорить о цитации Усовым заглавия романа Мураками, заглавия как самостоятельного, автономного текста. Но даже и такой расклад видится не очень релевантным относительно усовской «Охоты на овец», ведь куда как в большей степени, нежели роман Мураками, в финальном стихе у Усова формула «Идет охота на овец» актуализирует привычную в традиции пару «волки и овцы», а происходит это благодаря прямому соседству данной формулы с очередным воспроизведением рефрена – «Какие к черту волки?». То же, что в финальном стихе всего текста сошлись две, скажем так, сверхсильные позиции, сошлись заглавие и рефрен, маркирует этот финал как подлинно ударный; весь предшествующий ему текст свернулся в итоге в систему двух базовых формул – заглавной и рефренной: «Идет охота на овец. Какие к черту волки?». По поводу высочайшей значимости финальной строки в поэзии очень хорошо

сказано в диалоге Михаила Кузмина и Марины Цветаевой, описанном в цветаевском «Нездешнем вечере»:

– А я пятнадцати лет читала ваше «Зарыта шпагой – не лопатой – Манон Леско!». Даже не читала, мне это говорил наизусть мой вроде как жених, за которого я потом не вышла замуж, именно потому, что он был – лопата: и борода лопатой, и вообще...

Кузмин, испуганно:

– Бо-ро-да? Бородатый жених?

Я, сознавая, что пугаю:

– Лопатный квадрат, оклад, а из оклада бессовестно-честные голубые глаза. Да. И когда я от него же узнала, что есть такие, которые зарывают шпагой, такие, которые зарывают шпагой. – «А меня лопатой – ну нет!»... И какой в этом восхитительный, всего старого мира – вызов, всего того века – формула: «Зарыта Шпагой – не лопатой – Манон Леско!». Ведь все ради этой строки написано?

– Как всякие стихи – ради последней строки.

– Которая приходит первой.

– О, вы и это знаете!⁶.

Вероятно, эту мысль поэтов прошлого о последней строке стихотворения можно спроецировать на всю лирику и на усовскую «Охоту на овец» в том числе. По поводу другого текста Усова – текста «Нам не нужно счастья» – С.Ф. Меркушов заметил, что «ключевые смыслы исследуемого текста заложены в его сильных позициях, а здесь это, на наш взгляд, заглавие и рефрен» [Меркушов 2022, с. 97]. А в «Охоте на овец» две объективно сильные позиции – заглавие и рефрен – предстали в итоге в сверхсильной позиции финальной строки всего текста, буквально составили эту строку из себя, представив систему, в которой в контексте привычной оппозиции волков и овец состоялся спор двух классических заглавий предшественников – заглавия романа Мураками и заглавия (и части рефрена) песни Высоцкого. При этом Усов, столкнув в финале две чужие формулы, радикально трансформировал именно слово Высоцкого. И трансформация эта оказалась обусловлена изменившимся временем: время Высоцкого предполагало, что герой-художник обречен на одиночество, а некие силы (власть, например) ведут на него охоту [Шадурский 2014], отсюда и такой ролевой субъект – волк, субъект, как нельзя лучше передающий мироощущение автора; к рубежу же веков время поме-

⁶ *Цветаева М.И.* Нездешний вечер // Цветаева М.И. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2: Автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. М.: Литература; СПб.: Кристалл, 1999.

нялось, поменялись и приоритеты – волков теперь не осталось, то есть не осталось сильных гигантов-творцов, достойных того, чтобы на них охотились сами егеря. Видимо, тогда, во времена Высоцкого, всех волков истребили. Что же остается сильным мира сего, тем, для кого охота стала жизненной необходимостью? Остается искать жертв среди заведомо слабых – среди котов, среди людей и, наконец, как апогей всего этого, – среди овец. Не менее вероятно и то, что сами сильные уже не столь сильны, как были во времена Высоцкого. Следовательно, волки им уже не по зубам, охотиться на волков им самим страшно, а потому и переключаются они на тех, кто не может ни оказать сопротивление, ни спастись. И. Белецкий отметил, что во многих текстах Бориса Усова перед нами «тотальный и заведомый проигрыш всего, который, кажется, запрограммирован в самой структуре мира и в самой сущности усовских персонажей» [Белецкий 2022, с. 167]. В итоговой формуле «Охоты на овец» (да и на протяжении всей песни) констатируем именно такое положение вещей; и уже не важна причина того, почему теперешняя охота – это охота не на волков, а на овец, не важно, чем это вызвано – отсутствием волков или же страхом охотников перед волками – важно лишь то поражение, которое, учитывая расклад сил, теперь неизбежно. Волк у Высоцкого в первой части дилогии, в «Охоте на волков», спасается; в мире Усова спасения нет, овцы изначально обречены, обречены уже потому, что они овцы; и стремиться к спасению, подобно тому, как стремится к спасению волк Высоцкого, овца не будет. Таков авторский взгляд на мир и на место человека в нем. Этот взгляд оказался реализован во всем тексте усовской «Охоты на овец», в череде формул, многие из которых построены на отсылках к различным текстам-предшественникам, и в оценках этих формул субъектом; а в свернутом и ударном виде авторский взгляд оказался представлен в сверхсильной позиции текста – в финальном стихе, где сошлись две другие сильные позиции – заглавие и рефрен; в системе друг с другом эти две формулы (не без памяти о традиционном значении пары «волки и овцы») предстали как спор эпох, как спор прошлого (время Высоцкого) и настоящего (время Усова). И настоящее в этом споре одержало верх: здесь, в настоящем, уже нет места охоте на волков, теперь идет охота на овец. Слово Высоцкого, оказавшись в новом для себя художественном мире, в мире Бориса Усова, существенно в смысловом плане трансформировалось; и трансформация эта, воплотив мироощущение автора, воплотила и авторские представления о том времени, когда была создана усовская «Охота на овец».

Для нас же важно было показать то, как в поэтическом тексте Усова, в тексте, что важно, песни сильная позиция финального стиха может становиться сверхсильной в смысловом плане, стано-

виться ударной, ключевой формулой всего текста, ибо состоит из двух других сильных позиций – заглавия и рефрена, являющихся проявлениями чужого слова, в системе оказывающихся друг с другом в отношениях конфронтации, но при этом в свернутом виде представляющих смыслы всего текста и выражающих авторское представление о современном ему мире.

Литература

- Белецкий 2022 – *Белецкий И.* Хоть глазочком заглянуть бы: Очерки об утопии и ностальгии в постсоветской поп-музыке. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022. 268 с.
- Доманский 2022 – *Доманский Ю.В.* Поэтика рок-поэзии: о ключевых формулах рок-текста как объекте его идентификации и анализа // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. трудов. Вып. 22 / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург [б. и.]; Тверь [б. и.], 2022. С. 7–18.
- Меркушов 2022 – *Меркушов С.Ф.* Коммуникативная герменевтика творчества Бориса Усова и «Соломенных Енотов» (текст «Нам не нужно счастья») // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. трудов. Вып. 22 / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург [б. и.]; Тверь [б. и.], 2022. С. 90–99.
- Шадурский 2014 – *Шадурский В.В.* «Охота на волков»: песни В.С. Высоцкого у истоков русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. трудов. Вып. 15 / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург; Тверь, 2014. С. 69–77.

References

- Beletskii, I. (2022), *Hot' glazochkom zaglyanut' by: Ocherki ob utopii i nostal'gii v post-sovetskoj pop-muzyke* [I wish I could take a peek. Essays on utopia and nostalgia in post-Soviet pop music], Moscow, Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Russia.
- Domanskii, Yu.V. (2022), "Poetics of rock poetry. The key formulas of a rock text as an object of its identification and analysis", in *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov, vyp. 22* [Russian rock poetry. Text and context. Collection of scientific works. Issue 22], Ekaterinburg; Tver', Russia, pp. 7–19.
- Merkushov, S.F. (2022), "Communicative hermeneutics of the work of Boris Usov and 'Straw Raccoons' (text 'We do not need happiness')", in *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov, vyp. 22* [Russian rock poetry. Text and context. Collection of scientific papers. Issue 22], Ekaterinburg; Tver', Russia, pp. 90–99.
- Shadurskii, V.V. (2014), " 'Hunting for wolves'. V.S. Vysotsky's songs at the beginnings of Russian rock", in *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov, vyp. 15* [Russian rock poetry. Text and context. Ccollection of scientific works. Issue 15], Ekaterinburg; Tver', Russia, pp. 90–99.

Информация об авторе

Юрий В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; domanskii@yandex.ru

Information about the author

Yuri V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; domanskii@yandex.ru